

СОФИ КИТЧ

МОЕ ИМЯ
МОРГАН

Издательство «Иностранка»
Москва

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44
К45

Sophie Keetch
MORGAN IS MY NAME
Copyright © Sophie Keetch Limited, 2023
All rights reserved

Перевод с английского Натальи Фрумкиной
Серийное оформление и оформление обложки Татьяны Гамзиной-Бахтий

Китч С.

К45 Мое имя Морган : роман / Софи Китч ; пер. с англ. Н. Фрумкиной. — М. : Иностранка, Издательство АЗБУКА, 2026. — 480 с. — (Новая готика).

ISBN 978-5-389-28153-0

Она родилась в разгар бури, когда волны высоко вздымались над утесами замка Тинтагель, поэтому ей дали имя Морган, что по-валлийски означает «рожденная морем». Но когда девочке исполнилось семь лет, король Британии Утер Пендрагон коварно убил ее отца и силой взял в жены ее мать леди Игрейну. С той поры кончилось для Морган беззаботное детство. Что ждет ее впереди? Скорее всего, по воле отчима-деспота Морган, как и ее сестер, выдадут замуж, и девушке придется всю жизнь безропотно повиноваться своему супругу и повелителю... Однако неукротимый нрав Морган дает о себе знать: юная дева жаждет знаний, делает успехи в целительстве и даже обнаруживает в себе магические способности. Но чтобы стать по-настоящему свободной и счастливой, ей придется вынести немало суровых испытаний.

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-389-28153-0

© Наталья Фрумкина, перевод, 2026
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство АЗБУКА», 2026
Издательство Иностранка®

ПРОЛОГ

Я родилась в разгар бури, когда волны так высоко вздымались над утесами Тинтагеля, что люди опасались, как бы весь замок не смыло в море. Хотя матушка никогда об этом не упоминала, няня Гвеннол частенько рассказывала, как крики леди Игрейны могли потягаться с громом, ревуший ветер разносил по свету ее боль, а вспышки молний освещали страдания долгих и опасных родов, ничуть не схожих с теми, в которых она произвела на свет двух моих сестер.

— Порой нам казалось, что она умрет, — вспоминала Гвеннол, в упоении обнимая меня у камина под аккомпанемент вихрящегося в вершинах утесов Корнуолла ветра. — Она лежала много часов, завывая как банши¹, выбившаяся из сил, а вы никак не шли быстрее. Уже смеркалось, и мы почти утратили надежду, когда ваша леди-мать вдруг села, схватила меня за руку и уставилась в окно, словно увидела там самого архангела Гавриила. «Пришло море! — воскликнула она. — Оно поднялось, чтобы нас унести!» И порази меня бог, если это было неправдой. Я обернулась, а оно тут как тут, волны бьются в окно и грозят забрать нас с собой. Я бросилась посмотреть на них, но, пока бежала, во-

¹ В ирландском фольклоре — фея, предвещающая смерть.

да уже опустилась туда, где ей и место. Потом оглянулась, а ты уже и родилась — здоровехонькая, и глазки открыты. Уж не знаю, кто сильнее удивился — я, повитуха или сама герцогиня. Но твоя матушка настояла, что это само море тебя принесло, потому-то тебе и имя такое дали.

Мое имя Морган, и уж о его происхождении все доподлинно известно: на валлийском оно значит «рожденная морем». Матушка лично дала мне его после обстоятельств моего рождения, непоколебимо веря, что нас обоих спасли тогда яростные корнуольские воды.

— После того как она вас родила, вы плакали целый час, — снова и снова повторяла мне Гвеннол. — Вопили, злились на весь свет, пока буря не утихла и море не успокоилось. Так что это имя доподлинно ваше по праву.

ГЛАВА 1

— Почему Морган зовут Морган?

Моя десятилетняя сестра дернула за ленточку, ловкими руками старательно разложила волосы мне по спине, затем стала разбирать их на пряди и аккуратно заплетать в косу.

— Я имею в виду, — добавила она, — всем же ясно, что это мальчишеское имя.

— А вот и нет, — живо парировала я, — я ведь вовсе не мальчик.

Мне недавно исполнилось семь, и я больше не желала терпеть подобные оскорбления.

— Отец хотел, чтобы ты была мальчиком, — бросила с противоположной стороны комнаты Моргауза. Отрешенная и прекрасная, девятью годами старше меня, наша сестра сидела, глядя в окно, окутанная плащом пренебрежения ко всякой детской чепухе.

— Врешь ты все! — огрызнулась я. Моргауза даже глаз на меня не подняла.

— Сиди спокойно, — сказала Элейн. — Как ты станешь леди, если не можешь на месте усидеть?

Мы втроем расположились в матушкиной гостиной, ожидая, когда она придет для ежедневной встречи с нами. Это была хорошо освещенная, радостная комната, где стояло

много мягких кресел. На желтых крашенных стенах висели яркие гобелены. Сладкий запах роз, которые расцвели под окнами, наполнял прогретый солнцем воздух. В этом году весна пришла рано — задолго до Пасхи, и тепло просачивалось сквозь холодные каменные стены замка Тинтагель, наполняя наши покои и бросая вызов морскому бризу.

Моргауза поднялась и прошла через комнату, задрав свой изящный носик и глядя на нас сверху вниз.

— Моргана не леди, и даже не совсем человек. Я слышала, что она наполовину лисенок, которого сэръ Бретель нашел под кустом ежевики, а матушка с отцом пригрели по добrote душевной.

— *Меня не так зовут!*

Я бросилась на нее, мои руки и ноги будто раскалились добела. Моргауза была старше, сильнее, опытнее в схватках, она легко удерживала меня на расстоянии и непрерывно смеялась. Мою ярость вызвало не заявление, что я якобы не дочь своих родителей, ведь обе мы унаследовали от отца голубые глаза и черные как ночь волосы, и обеих нас превозносили за тонкие, в мать, черты лица. Злость поднялась от единственного звука, мелодичного несправедливого «а», которым сестра всегда завершала мое имя. Она хорошо выбирала оружие и всегда держала его остро отточенным.

— А это что еще такое, во имя святого Петрока? — Крепкая, как рабочая лошадка, Гвеннол схватила меня за талию, не давая продолжить яростную борьбу. — Довольно, леди Морган, сколько можно! Ваш нрав вас погубит, если не будете держать его в узде.

— Она первая начала! — закричала я. — Моргауза обозвала меня лисенком!

— Право же, госпожа Моргауза! Юной леди, которая надеется быть представленной ко двору, не к лицу такие вещи.

Ухмылка Моргаузы быстро исчезла, а ее лицо залил розовый румянец. Няня отвела от нее взгляд:

— А вы, леди Элейн, как всегда, сидите тихонько. А сами, небось, тоже в этом замешаны?

Элейн, которая никогда не лжет, сообщила холодным тоном:

— Я только спросила, почему у нее мальчишечье имя.

— Глупость какая, — неодобрительно цыкнула языком Гвеннол. — Вы обе, принесите свои корзинки с рукоделием. Ваша леди-мать вот-вот будет тут. — Отведя меня в укромный уголок, она опустилась на колени и заново заплела мои разметавшиеся волосы. — Нельзя вот так бросаться на сестрицу, утеночек мой, что бы она там ни сказала. Вы же умная девочка, должны понимать.

— Ничего не могу с собой поделать, — шмыгнула носом я. — Когда Моргауза так говорит, у меня в животе становится горячо, а потом и в голове тоже, и... я просто забываюсь.

— Ага, вот и матушка ваша такая же, но она почти всегда держит свой норов в узде, как подобает настоящей леди. Вот и вы должны научиться.

Я кивнула, хотя это и не казалось мне таким уж легким. Можно подумать, я знаю, когда меня накроет яростью! Я не могла схватить ее руками или похоронить глубоко в себе, в том месте, где порой прятала слезы, потому что она уже жила там, дремала у меня внутри, как дракон, который ждет своего часа, чтобы пробудиться.

— Гвеннол, — тихонько спросила я, — а отец правда хотел бы вместо меня сына?

— Что? Боже правый, конечно, нет! — Нянюшка повернула меня лицом к себе. — Я была в комнате, когда его светлость впервые увидел вас на руках у вашей леди-матери. Вы и вопить-то перестали, лишь когда он вас взял, и выглядел он именно так, как ему следовало, — довольным, будто расшалившийся пикси.

Дождавшись моей улыбки, она усадила меня в кресло для шитья рядом со спокойной Элейн, как раз когда во-

шла матушка со своими дамами. Она улыбнулась трем своим теперь уже умиротворенным дочкам и грациозно заняла свое место.

— Я слышала, жара продержится долго, — сказала она, принимая от Гвеннол свою корзинку с рукоделием и берясь за работу.

— О да, госпожа моя, рыбаки так говорят, — ответила Гвеннол. — С их слов выходит, что это дурной знак.

Констанс, грозная матушкина камеристка, насмешливо хмыкнула.

— Если бы я получала золотую монету за каждый твой дурной знак, то стала бы уже богаче нашего герцога.

Я склонила голову к платку, который отделявала каймой, прислушиваясь к тихой, успокаивающей женской болтовне. Обволакивающее тепло лишало пальцы проворства, и я едва могла сделать следующий стежок.

Внезапно матушкины руки, признанные самыми умелыми в нашем хозяйстве, скользнули по игле, разорвав стежок на платке, который она вышивала для отца. Иголка воткнулась в палец, потекла кровь, и матушка выругалась, что случилось с ней крайне редко. Я вздернула подбородок, ладонь Элейн взлетела к губам, а ошеломленная Моргауза лишь уставилась на мать.

Однако та засмеялась и слизнула алую капельку с кончика пальца.

— Только не говорите герцогу. Он потом мне это всю жизнь припоминать будет.

В тот же миг в комнату, будто его позвали, вошел отец и с некоторым недоумением окинул взглядом наши улыбающиеся лица.

— На сегодня, моя леди, совет окончен, — обратился он к матери. — Если я тебе понадобится, то буду на мысе с Иезавелью.

Иезавель была его любимой соколицей, крупным великолепным сапсаном, с таким совершенным телом и цветом оперения, что казалась написанной красками: отливающая синевой спинка, черно-белая грудь, ясные ониковые глаза с золотым обводом. Отец сам пестовал ее с тех пор, как она еще птенцом была поймана в скалах Тинтагеля, и похвалялся всем, кто соглашался слушать, ее красотой, умом и безукоризненным послушанием. Такое имя он дал ей исключительно ради удовольствия произносить его при матушке, которая не переставала пенять ему, называя богохульником.

Вот и сейчас она перекрестилась и покачала головой, мягко произнеся:

— Что же ты такое говоришь, да еще при дочерях? Тебе за многое придется держать ответ перед Создателем.

Отец засмеялся:

— Ну так закажи по мне мессу, моя госпожа.

— Если бы я хоть на миг поверила, что это спасет тебя, — возразила матушка.

— Да уж. — Отец ласково посмотрел на нее. — Хотя я всегда высоко ценю твои попытки отвратить меня от грехов.

Матушка со смиренным благочестием склонила голову, а на губах ее заиграла легчайшая удовлетворенная улыбка.

Я как замороженная наблюдала за пикировкой, которую затеяли среди бела дня родители. Это была их игра, которой они часто развлекались, где она исполняла роль праведницы, а он — грешника. Матушка была предана церкви, но отца не слишком волновали как спасение, так и проклятие; его манеры и рискованные повадки уходили корнями к ирландским предкам, которые хоть когда-то и преклонили колена перед евангельской проповедью, но в сердце своем по сей день нет-нет да и обращаются к богине Туат Де.

— Мои госпожи, — с поклоном сказал отец, — если это всё, то желаю вам доброго дня.

— Не всё! — Я швырнула на пол шитье и бросилась к нему.

Отец помедлил в дверях.

— Морган Корнуолльская, — строго проговорил он, подняв темные брови над лазоревыми глазами, — чем могу служить тебе?

— Я хочу пойти с тобой и посмотреть на сокола, — выпалила я и вежливо добавила: — С твоего позволения, лорд-отец.

— Понятно. — Он взглянул на мать, которая лишь чуть пожала плечами, а потом снова на меня. На устах у него медленно зарождалась улыбка. — Очень хорошо, моя преданная дочь. Не будет вреда, если ты чуть пораньше начнешь учиться соколиной охоте, если только будешь внимательной и отнесешься к птице с уважением. Согласна?

После моего восторженного кивка он шагнул в сторону, пропуская меня, и двинулся по коридору, его руки свободно покачивались вдоль туловища. Я едва доросла ему до пояса и делала три шага, пока он делал один, но внутри себя с каждым шагом становилась все выше и выше: через двор, на соколятню, вперед и вперед, и когда мы вместе с сидящим на отцовской руке соколом достигли мыса, я думала, что вот-вот начну задевать небеса макушкой.

Моим отцом был Горлойс, герцог Корнуолльский. Сам он родился здесь, но его предки происходили из Ирландии. Это были древние гэльские вожди, которые отпугнули добравшихся до их берегов римлян и, как гласит молва, произошли от великанов.

Он познакомился с матушкой вскоре после того, как унаследовал титул и направил свои знамена на помощь ее отцу. Они являли собой разительный контраст: он — бывалый черноволосый воин, она — миниатюрная валлийская принцесса на десять лет моложе, вся светлая и нежная, как май-

ский денек. Но он попросил руки Игрейны, ее отец дал согласие, и это стало хорошей партией для них обоих.

Они поженились в Кардигане и немедленно вернулись в Корнуолл, где отец поселился в своем любимом месте — на живописном острове Тинтагель и перестроил тамошнюю крепость в замок, самый большой и самый удобный из всех принадлежавших ему. Отец очень гордился этим замком, который отличался не только роскошным декором, витражами и резьбой, но и был настоящим дворцом-твердыней — под стать новой герцогине. Матушка всегда говорила, что даже пожелать не могла лучшего свадебного подарка.

И пусть нам принадлежали также другие замки и поместья, но именно там, в продуваемом всеми ветрами, пропитанном солью прибежище, которое выстроил для нас отец, мы проводили большую часть нашей жизни.

На этом мысе, где над головой кричали чайки-моевки, а в воздухе стоял сладкий запах водорослей, выгоравших под корнуолльским солнцем поздней весны, я чувствовала себя как дома. Я не смела даже предположить, что подобный трюк пройдет еще хоть раз, однако отец с тех пор частенько звал меня с собой, отказываясь от возможности хоть недолго отдохнуть в одиночестве, ради возможности научить меня приемам обращения с птицами.

У меня вошло в привычку искать отца по утрам, пока однажды утром я не пришла в Зал совета и не узнала, что они с матушкой отбыли в спешке еще несколько часов назад.

— Они поехали на север, в Кардуэль, — объяснила Гвеннол. — Ко двору верховного короля.

— Опять? — удивилась я, потому что родители уже были там на Адвент, едва успев вернуться к празднованию Рождества.

— Какая несправедливость! — пожаловалась Моргауза. — Матушка клялась, что в следующий раз представит меня ко двору.

— Лучше б они и правда ее взяли, — сказала Элейн, заставив меня хихикнуть.

— Мир, девочки мои, — Гвеннол встала, чмокнула каждую из нас в лоб, и даже Моргауза с деланой неохотой наклонилась вперед под ее поцелуй. — Они скоро вернутся, самое большее — через восемь недель. Мы встретимся с ними в замке Доре на день святого Сузина.

Однако родители вернулись гораздо раньше, копыта их взмыленных лошадей прогрохотали по двору Тинтагеля, а лица рыцарей свиты были мрачными и усталыми. Они явно не пробыли в Кардуэле и пары дней, прежде чем пуститься в долгий обратный путь. Даже золотое сияние матушки, казалось, потускнело, когда она с нами поздоровалась, да и потом они с отцом держались как-то особняком — появлялись только за столом, ненадолго, выглядели нерадостно, будто привезли с собой темную тучу, которая теперь нависла над всеми нами.

Как-то раз знойным днем я брела по галерее к Южной башне, подставляя разгоряченную кожу ветерку из амбразур, когда услышала из-за угла голос отца, тихий, настойчивый.

— Оставайся в Тинтагеле, — говорил он, — с детьми и со своими дамами. Тут вы будете в безопасности под защитой десяти рыцарей. Это наша лучшая крепость. Она выдержит любую осаду.

— А куда отправишься ты? — Голос матушки дрогнул, в нем послышалась нотка страха, которая сразу заставила меня наострить ушки. — Мы же должны держаться вместе, правда?

— Я не могу так рисковать. Я поеду в Димилиоок — из всех наших владений только его помимо Тинтагеля мы мо-

жем надеяться удержать. Если я смогу завлечь туда Утера Пендрагона и там разбить его... — Он тяжело вздохнул, шаркнул ногой по полу. — Это единственный выход.

Они помолчали, а я ждала, прислушиваясь к обманчивому спокойствию.

— Горлойс, — сказала матушка. Никогда в жизни я не слышала, чтобы она звала его просто по имени, и странная, запредельная интимность, прозвучавшая в этом обращении, отвлекла меня, не дав ощутить весь ужас тех слов, которые она затем произнесла, — ты так же хорошо, как я, знаешь, что это не единственный выход. Война началась из-за меня, это меня он хочет. Я... я могу спасти Корнуолл.

— Боже милостивый, Игрейна! В этой войне *нет* твоей вины, и не тебе нести этот крест. Этот тип, наш так называемый король, этот безбожник, хищный волк... — Голос отца стал ниже, он звучал гневно, отчаянно, с хрипом вырываясь из горла. — Дражайшая моя, славная женушка, я скорее позволю ему сжечь десять Корнуоллов, чем допущу, чтобы ты хоть раз увидела его снова, не говоря уже о том, чтобы... — Он издал еще один хриплый вздох. — Ему нас не одолеть. Тинтагель не сдастся, и я тоже, клянусь тебе в этом.

В ответ матушка издала лишь всхлип, приглушенный, но пробирающий до костей и такой безнадежный, что его звук завибрировал у меня в черепе.

— Любовь моя, — отец вновь вернулся к тихому, успокаивающему тону. Перед моим мысленным взором возникла картина, как он касается матушкиной щеки ладонью надежной, сильной руки, привыкшей нести на себе сокола или сжимать меч, — останься в Тинтагеле, береги наших дочерей, и я вернусь к тебе, или пусть меня заберет дьявол.

— Пожалуйста, никогда так не шути! — воскликнула матушка, и я представила, как она торопливо перекрестилась. Но ее голос зазвучал свободнее, и отец рассмеялся в ответ,

ветер подхватил отголоски его уверенности и унес в море за моей спиной, прежде чем я повернулась и убежала прочь на дрожащих ногах.

Отец снова позвал меня через несколько дней. Мы взяли Иезавель и отправились на мыс. Небо над нами наполнилось светом, казалось горячим и твердым, как алмаз. Под ногами шуршала росшая пучками пожелтевшая, объединенная овцами трава. Овевавший лица теплый бриз нес запах моря.

Иезавель беспокоилась, раздраженно ероша перья на шее, резко поворачивала голову, едва услышав жужжание какого-нибудь насекомого, и косилась на меня с бóльшим подозрением, чем обычно. Отец тихонько квохтал над ней, поглаживал зазубренные перья на груди птицы с ритмичной нежностью арфиста.

— Ей следовало бы сидеть на яйцах и ждать линьки, — объяснил он, когда мы добрались до его любимой охотничьей территории у края утеса, — но мне захотелось еще раз принести ее сюда, перед тем как...

— Перед тем как ты уедешь, — как бы невзначай подхватила я. — Потому что ты уезжаешь, а мы остаемся.

Нам еще никто не сообщил об этом, и отец бросил на меня по-птичьи острый взгляд. Может быть, он хотел солгать, начав утверждать, что это не так, или намеревался спросить, откуда мне это известно, но, должно быть, решил, что сейчас для этого не время.

— Так и есть, — сказал он, поднимая кулак, чтобы снова взглянуть на Иезавель. — Надеюсь, когда я вернусь, она уже выведет птенцов и вырастит новое оперенье.

Резким движением отец подбросил сапсану в воздух, и она стала подниматься — крылья рассекали воздух, как пара сверкающих лезвий, неся ее в небо. Отец следил за полетом, заслонив рукой в перчатке глаза от солнца. Достигнув пика, Иезавель стала нарезать круги, высматривая добычу.

Вот она заметила что-то и начала было спускаться, но потом передумала, отклонилась в сторону и поднялась по дуге на прежнюю высоту.

— Сапсанов иначе называют peregrinami, — объяснил отец. — Это значит — странники. Иезавель — та, что странствует. — Он посмотрел вниз, на меня, и нахмурился. — Ты знаешь, Морган, в чем ее самая большая сила?

— Да, — важно ответила я. — В когтях, которые крушат черепа.

Он рассказал мне это во время нашей самой первой совместной охоты: клюв у сокола острый, его надо опасаться, но никогда нельзя забывать и про когти — ибо они несут смерть.

Однако сегодня я оказалась неправа.

— Ее самая большая сила — в способности выживать, — объяснил отец. — Она в любой момент может улететь, не оглядываясь и зная, что сможет жить дальше. Ей не нужен ни я, ни сокольник, ни приют в соколятне. И это — ее самая важная способность.

С обрыва взлетела пара скальных голубей и закружилась над сушей, под парящей сапсанихой. Держа тело так, будто она идет по канату, Иезавель посмотрела вниз, сложила крылья и, не дав нам даже времени перевести дыхание, резко ринулась вниз гладкой темной слезой на стеклянной щеке неба. А потом внезапно изящным рывком выпустила черные с золотом когти за мгновение до того, как наступить добычу.

Голубка была мертва прежде, чем коснулась земли; когда мы подошли к Иезавели, она укрыла свой трофей тенью распростертых крыльев. Услышав свист отца, сапсаниха самоотверженно взлетела ему на перчатку, чтобы получить награду, птенца какой-то другой птицы, принесенного в жертву ее доблести, и стала с хрустом разрывать его, прижав своими смертоносными когтями.

— Настоящая сила происходит от свободы и способности пережить все, что нас настигает. — Отец снова послал сапсаниху в небо, чтобы та нам послужила, хотя теперь я и видела, что на самом деле это мы служим ей. — Ее не держит здесь ничего, кроме того уважения, которое мы ей оказываем.

— Она каждый раз возвращается на перчатку из вежливости, а не потому, что должна, — согласилась я.

Неожиданно отец присел на корточки, и его лицо оказалось на одном уровне с моим. Лишь тогда я увидела, как он изможден: щеки ввалились от тревог, на лбу залегли глубокие морщины, которых не было прежде. Отблески серебра виднелись в волосах, тянулись нитями в глянцеви́той черной шевелюре, пронизывали бородку. Он крепко взял меня за плечи.

— Ты мудрая, Морган, всегда была такой. Ты должна использовать эту мудрость, взнудать ее, научиться владеть ею. Обещай, что сделаешь это.

Я любила отца, как только способно было любить мое крохотное детское сердечко, и потому не колебалась:

— Обещаю, отец.

— Я вернусь к тебе, — сказал он твердо, хотя его голос дрожал, как тогда в башне, во время разговора с матушкой. — Ко всем вам. Но пока я не вернулся, — он поднял к небу палец, — Иезавель твоя и только твоя. Уверен, ты поймешь, что для нее лучше всего.

Хлопнув меня по рукам чуть ниже плеч, будто я была одним из его рыцарей, он встал, и мы снова обратили лица к небесам, и отцовская ладонь лежала на моем плече, как рыцарский доспех. А сапсаниха по-прежнему поднималась все выше и выше, на головокругительную высоту, не останавливаясь, пока не превратилась в черную точку высоко над нами.

В тот же день, позже, отец уехал.

ГЛАВА 2

Крики моментально разбудили меня, не знаю, как сестры умудрялись под них спать. В моей комнате стояла почти полная тьма, лишь угольки в очаге испускали слабое пульсирующее свечение, от луны — такой яркой, когда я засыпала, — теперь остался только намек, скрытый облачной пеленой. Я соскользнула с кровати, приоткрыла дверь и выбралась в пустой коридор. Голосов больше не было, слышалась только далекая суета, но я отчетливо помнила прозвучавшие слова: «Приехал герцог; открывайте ворота».

Отец отсутствовал чуть больше трех недель и, конечно, направился напрямик к своей жене. Супружеские покои находились в южной части замка с видом на море, и самый быстрый путь туда вел по извилистой лестнице для слуг, которая была тут, неподалеку. Взбегая по ней, я хотела лишь бросить один быстрый взгляд, чтобы убедиться: отец вернулся в Тинтагель, он жив и здоров.

На последней ступеньке я помедлила, остановленная внезапным ощущением чего-то нехорошего, витавшего в воздухе, подозрительной тишиной, разлитой в верхнем коридоре: так задернутый полог отсекает кровать от всего мира. Незастекленное окно напротив было пустым и темным, за ним почти не слышался извечный рев моря. Здесь двигался

только легкий туман, его прядь кралась вдоль подоконника и стелилась по стене, будто живое существо. Озадаченная, я шагнула вперед, но отшатнулась от звука приближающихся шагов.

В нескольких футах от меня я увидела фигуру и бросилась вперед. Сердце билось где-то в горле.

— Отец! — крикнула я. — Иезавель высидела трех птенчиков.

Я знала, эти слова заставят его обратить на меня внимание. Он действительно обернулся — широкие плечи чуть дрогнули, будто одежда натирала ему кожу. Может, так оно и было: путь от Димилиока по жаре и пыли неблизкий, а до этого отец неделями сражался. Невыразительные голубые глаза оглядели меня с необычной суровостью, ухмылка исказила сумрачные черты.

— Иди в постель, малявка, — бросил он.

Голос был низким, отцовским, но с чужими интонациями, я никогда не слышала, чтобы отец так уничижительно обращался хоть к человеку, хоть к зверю. Тонкая прядь тумана ползла по полу, лениво обвиваясь вокруг его ноги в доспехе.

Я бросилась по спиральной лестнице обратно в свою комнату, а в ушах звенел его рык.

Еще не прозвучал рассветный колокол, когда я проснулась, вспомнила обо всем и тут же метнулась все по той же лестнице к покоям матери.

— Морган! — проговорила матушка, когда я скользнула в приоткрытую дверь. Одета в шелковое домашнее платье небесной голубизны, она уже встала и лучилась довольством. — Милое дитя, тебе пора научиться стучать.

Я окинула комнату взглядом; тут не было больше ничего, кроме Констанс, которая возилась с чем-то у очага.

— Где он? — спросила я у матушки. — Я пришла увидеть...

Неожиданно дверь распахнулась, и раздался топот облаченных в доспехи ног.

— Сэр, вы не можете врываться в комнату моей госпожи! — воскликнула Констанс.

— Тише, Констанс, — мягко упрекнула его матушка. — Это же сэр Бретель, конечно, я его выслушаю.

Она шагнула вперед, и я обернулась, узрев отцовского маршала, который отвесил хозяйке низкий поклон.

— Молю о прощении, моя госпожа, но это не может ждать. — Он помедлил перевести дух, а когда заговорил снова, в его голосе звучали слезы. — Герцог, ваш супруг, мой добрый и благородный господин, убит, отошел к Господу в Димилиоке.

Едва он выговорил это, его ноги вдруг подкосились, и поножи с грохотом ударились об пол. Я отшатнулась и потянулась к ближайшей стене, которую смогла нащупать моя рука. Его внезапное падение поразило меня еще больше, чем слова, ударив в живот сильнее лошадиного копыта.

Матушка просунула руку ему под локоть, и он с трудом поднялся на ослабевшие ноги. Рядом с ним, облаченным в заляпанную грязью кольчугу, она выглядела свежей, как солнце на восходе, распущенные золотые волосы ниспадали до талии.

— Вы славный человек, сэр Бретель, — сказала матушка, одарив его доброй улыбкой, — но, к счастью, ошибаетесь. Мой муж здесь, приехал ко мне нынче ночью.

— Но, госпожа моя...

— Он в своих покоях. — Она сделала жест в сторону двери, соединяющей комнаты родителей. — Прискакал один и никому не сказал о своем прибытии.

Голова сэра Бретеля поникла, рука в перчатке закрыла лицо. Он был лучшим рыцарем и ближайшим другом отца: они вместе служили оруженосцами, вместе прошли ви-

СОФИ КИТЧ

МОЕ ИМЯ МОРГАН

Руководитель проекта Антонина Галль
Ответственный редактор Пётр Щёголев
Художественный редактор Татьяна Гамзина-Бахтий
Технический редактор Пётр Щёголев
Корректоры Антонина Филимонова, Ирина Львова

Подписано в печать / Баспага қол қойылды 02.02.2026.
Формат издания 60 × 88 ¹/₁₆. Печать офсетная. Тираж 2000 экз.
Усл. печ. л. 29,40. Заказ №

Изготовитель:	Өндіруші:
ООО «Издательство АЗБУКА» —	«АЗБУКА Баспасы» ЖШҚ —
обладатель товарного знака ИНОСТРАНКА®,	ИНОСТРАНКА® тауар белгісінің иесі,
115093, Москва, вн. тер. г.	115093, Мәскеу, к. ш. аум.
муниципальный округ Даниловский,	Даниловский муниципалдык округі,
пер. Партийный, д. 1, к. 25	Партийный т. ш., 1-үй, к. 25
Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19	Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19
E-mail: sales@atticus-group.ru	E-mail: sales@atticus-group.ru
Филиал ООО «Издательство АЗБУКА»	Санкт-Петербург қ.,
в г. Санкт-Петербурге,	«АЗБУКА Баспасы» ЖШҚ филиалы,
191024, Санкт-Петербург,	191024, Санкт-Петербург,
Херсонская ул., д. 12–14, лит. А	Херсон көшесі, 12–14 үй, лит. А
Тел. (812) 327-04-55	Тел. (812) 327-04-55
E-mail: trade@azbooka.spb.ru	E-mail: trade@azbooka.spb.ru
www.azbooka.ru	www.azbooka.ru
Отпечатано в России.	Ресейде басып шығарылған.

Техникалық реттеу туралы РФ заңнамасына сай басылымның сәйкестігін растау туралы мәліметтерді мына адрес бойынша алуға болады: <https://certification.atticus-group.ru/>.

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.)
Ақпараттық өнім белгісі
(29.12.2010 ж. № 436-ФЗ федералдық заң)

16+

R-607-37169-01-R